

УДК 84
ББК 83.3 (4 Рус)

Гашева Людмила Петровна
доктор филологических наук,
профессор

кафедра русского языка и методики преподавания русского языка
Челябинский государственный педагогический университет
г. Челябинск

Gasheva Lyudmila Petrovna
Doctor of Philology,
Professor

Chair of the Russian Language and Methods of the Russian Language Teaching
Chelyabinsk State Pedagogical University
Chelyabinsk

**Эстетические и образно-изобразительные принципы И.Ф. Анненского как
поэта серебряного века**

**Aesthetic and Imaginary-Figurative Principles of
I.F. Annensky as a Poet of the Silver Age**

В статье описываются основные тенденции и специфические признаки творчества И.Ф. Анненского, традиционные и новаторские принципы выразительности, выявляющие специфику его образной системы в сопоставлении с символистской эстетикой.

This article gives description of the main tendencies and specific characteristics of Annenskiy's poetry, traditional and innovative principles of expression which reveal specificity of his figurative system in comparison with symbolist aesthetics.

Ключевые слова: символизм, символ, миф, эстетика, эстетическая концепция, фантастический элемент.

Key words: symbolism, symbol, myth, aesthetic conception, fantastic element.

И.Ф. Анненский – неожиданный поэт в плеяде русских символистов. Об этом говорил еще В.Я. Брюсов в своей короткой рецензии «И. Анненский. Кипарисовый ларец»: «...все...стихотворения объединены тем, что Е.Баратынский назвал “лица необщим выраженьем”. И. Анненский подходил ко всему с неожиданной точки зрения...Он мыслил по странным аналогиям... У него почти никогда нельзя угадать по двум первым стихам строфы два следующих и по началу стихотворения его конец» (Брюсов : 1990, 315).

Это происходит от того, что поэт отступает от традиционных мотивов декаданса, от классической схемы развертывания темы в русле этого направления и сохраняет традиции национального психологического реализма. И. Анненский, в отличие от символистов, От того же К. Бальмонта, никогда не впадал в крайности, ему не знакомо было ультрадекадентство, от которого так

мучительно отходили другие символисты. Его стихи никогда не несли в себе каких-то деклараций эстетической программы символизма. И. Анненский не писал на заданные декадансом темы, не провозглашал автономию своего творческого Я. Он выделился среди них отрицанием манерности и маскарада. В. Брюсов отмечал: «Его поэзия поразительно искренна... Душа нежная и стыдливая привыкла таиться под маской иронии. А это не второе лицо» (Брюсов : 1990, 315).

И, действительно, Анненский, в отличие от классического декаданта, наблюдал больше за миром, чем за самим собой. Герой – творец стоит как бы в тени, а не в центре мироздания и созерцания. И, наконец, эта пушкинская манера – тяга к иронии и самоиронии, – совсем не была свойственна символистам. Таким образом, мы видим два общих отличия, которые делают творчество И. Анненского неожиданным в контексте декадентской традиции и роднят с русским реализмом. Здесь на этом стыке зарождаются предпосылки нового реализма. И. Анненский оказался его предтечей. в этом ключе интересны теоретические воззрения его, когда поэт выступал в роли критика.

Нельзя разделить творчество Анненского на раннее (незрелое) и позднее. В своих поэтических сборниках он выступает сложившимся виртуозным мастером, настоящим творцом. Причины этого лежат в глубочайших философских и литературных знаниях поэта, в стремлении объективно оценить современный ему литературный процесс. Истоки целостности поэзии И. Анненского заключены в «Книгах отражений», интереснейших критических статьях о творчестве классиков и современников. Практически эти две книги, состоящие из работ о совершенно разных художниках русского слова, объединены тем, что они раскрывают эстетическую концепцию И. Анненского, которую он положил в основу своей поэзии. По существу его критика ознаменует поиск золотой середины между открытиями символизма и традициями русской литературы. Особенно интересны в этом отношении статьи: «Бальмонт-лирик», «О современном лиризме», «Достоевский», «Речь о Достоевском», «О формах фантастического у Гоголя», «Что такое поэзия?», «Изнанка поэзии», «Символы красоты у русских писателей». В них, столь

различных по тематике, автор вырабатывает концепцию своего творчества. Поэт затронул в своих критических статьях проблемы общехудожественного плана: «Содержание и форма», «Этика и эстетика», «Творчество и жизнь», «Художник и общество» и т.п. И. Анненский воспринял появление символизма в русской литературе как должное и по достоинству высоко оценил его. Поэт пишет: «Современная поэзия чужда крупных замыслов, и в ней редко чувствуется задушевность и очарование лирики поэтов пушкинской школы. Но, зато она точно и разнообразно умеет передавать настроение»./93/.

И. Анненский вскрывает чисто эстетическую причину появления новой поэзии. Действительно, подражать Пушкину, Лермонтову, Некрасову уже было невозможно, это простое эпигонство заморозило бы литературный процесс.

«Наследие поэтического стиля кажется нам все более и более громоздким. Хочется уйти куда-нибудь от этих банальных метафор, от этих общих метких мест. Грубый факт...теряет власть над поэзией». (Анненский : 1998, 328). Это становится правилом для поэзии И.Анненского, ведь недаром, мы не в силах найти в его стихах ни временной, ни пространственной определенности. Новый подход к тематике потребовал новых методов выражения, расширения функций слова: «Слово так долго было в кабале и помыкании, что, почувствовав свою силу и ценность и то, как им гордятся и как его любят,...требует теперь, чтобы с ним хоть чуть-чуть пококотничали его вчерашние падишахи!» (Анненский : 1988, 330).

И. Анненский принял символизм со всеми его художественными открытиями, понял своеобразие и ценность этого явления. Эстетика символизма полностью легла в основу его поэзии.

И. Анненский не обошел полемики декадентов о соотношении в поэзии этики и эстетики. Поэт резко не решает в пользу одного и другого, он отвергает прямолинейные решения, как моралистов, так и декадентов: «Непримиримое противоречие между этикой...и эстетикой в искусстве ярче всего высказывается, конечно, в абсурде оправдания. В этической области оправдание ограничивается только сферой индивидуальности, так как оправдание принципиально уничтожало бы основной термин этики —

долженствование. В области эстетической, наоборот, и оправдывать, в сущности, нечего, потому что творчество аморально, и лишь в том случае, когда искусство приспособляется к целям воспитательным или иным этическим, оно руководится чуждыми природе его критериями:...для полноты развития духовной жизни человека не надо бы было особенно бояться победы в поэзии чувства красоты над чувством долга»/96/. В своей поэзии Анненский руководствовался мягким принципом выбора, поэтому он не чуждался и прямого риторического вопроса к читателю:

Дед идет с сумой и бос,
Нищета заводит повесть:
О, мучительный вопрос!
Наша совесть...Наша совесть...

(Анненский : 1979, 43).

Художник не в силах поступаться эстетикой ради морали и этики, но последнюю, однако, он вовсе не исключает из своей поэзии.

Отсюда логически вытекает постулат о «творческой совести». Душа поэта так всеобъемлюща, что он не может проходить мимо страданий, мимо «цветов зла».

«Как же тяжело, должно быть, видеть перед собой страдающих людей и переживать в себе их страдания. Он имеет возможность изобразить горе в той художественной форме, которая побуждает в читателе ряд новых мыслей и новых симпатий. Но одна отзывчивость и изображение впечатлений в живой форме еще не составляет поэзии. Дело в том, что поэт вкладывает в изображение свою душу, свои мысли, наблюдения, симпатии, заветы, убеждения. Он живет в своем произведении» (Анненский : 1979, 375). Последнее особенно важно для Анненского, так как поэт – это тот же жрец и он должен внушать, хоть ненавязчиво, но постоянно. Идеалом поэта в этом смысле для Анненского является Ф.М. Достоевский: «...он обогащает нас массой знаний о духовном мире человека..., он заставляет нас разбираться в собственных мыслях, чувствах,...смело являться собственным судьей» (Анненский : 1979, 237).

Для И.Анненского поэт являет собой сотворца человека, недаром он пишет, что «поэзия родственна с религией». /100/.

В этом он отличен от декадентов. Для них поэзия подчас существует только для себя самой. И. Анненский же находит золотую середину: «творческая совесть», выражающая страждущую душу поэта, сама по себе, без морализаторства, играет очищающую роль, главное, чтобы поэт был искренен. И эту искренность он пронес через всю свою поэзию. В. Брюсов недаром назвал ее «поразительно искренной», что и отличало её от творчества других символистов.

«Всякий поэт, в большей или меньшей мере, есть учитель и проповедник. Мысль поэта и образы его поэзии неразрывны с его чувством, желанием, идеалом». (Анненский : 1979, 311). По И.Анненскому, поэт не учит – как жить, а открывает читателю свою душу, полную всяких жизненных переплетений.

И.Анненский, исходя из таких взглядов, объективирует в своей душе в своем творчестве все стороны жизни.

Поэт в нескольких своих статьях писал о природе символа и о нем в поэзии. Обычно символисты противопоставляли или старались противопоставить свою поэзию традициям. И.Анненский смягчает их постулаты, обращаясь к природе поэзии. В творчестве И.Анненского символы не были самодовлеющими, они являлись одной из субстанций языка.

«В поэтике символ обыкновенно противопоставляют образу. В слова есть только мелькающая возможность образа. В поэзии есть только относительности, только приближения – поэтому никакой другой, кроме символистской не была, да и быть не может» (Анненский : 1979, 240).

Символизм в творчестве И.Анненского легок, эфемерен. Действительно, мы не найдем его в поэзии «темных», непонятных мест, то есть «византизмов», изысков, форм, как у Брюсова, но в то же время ни одно стихотворение Анненского не носит характера досказанности, «остаются как бы вопросы, влекущие к себе человеческую мысль». Это особенно ярко высвечено в сборнике «Кипарисовый ларец».

Символ сравнивается Анненским с мифом. Над этим вопросом тогда бились многие теоретики и практики символизма. У В.Брюсова, Вс. Иванова

миф превратился в цель стихотворения и становился недоступен восприятию читателя. Даже И.Анненский отмечал, что стихи Вяч. Иванова нельзя читать без словаря, или энциклопедии. Миф превратился в самоцель: миф для мифа, однако, он должен быть общенароден. И.Анненский противопоставил символ мифу. Символ абстрактен, он равен слову, а миф облакает символ в плоть. Вот пример, которым И.Анненский иллюстрирует свою мысль: «Афродита забывает мифическую дальность своего символа Ашторет, и греческий лодочник заставляет её возникать из эгейской пены прямо готовой гречанкой, Кипридой, дочерью Зевса – или Кроноса – это уже неважно. Вот образ, сменивший символ...» (Анненский : 1979, 240).

У И.Анненского нет самодовлеющего мифа, только его элементы он использует для материализации символа. Можно назвать целый ряд стихотворений, где используется этот принцип: «Парки бабье лепетанье...», «Дочь Иаира», «Трилистник бумажный», «Трилистник в парке», «Другому» и т.д. И.Анненский отвергает конкретику в стихах и ясность и яркость образов: «...разве стих может быть речью, т.е. обыденностью?» (Анненский : 1979, 278). Поэт создает свой мир, он не бытописатель: «...кому будет нужна философия без системы, а тем более стих, отказавшийся быть личным, иррациональным, божественно неожиданным?» (Анненский : 1979, 380). Действительно «божественно неожиданны» были трилистники и складни, которые с разных проекций освещали одно и то же.

И.Анненский высказал свое отношение к фантастическому элементу в поэзии в статье «О формах фантастического у Гоголя». Тема статьи конкретна, однако содержание выходит за рамки раскрытия конкретной проблемы. Эта работа – одна из страниц целой эстетической концепции И.Анненского, раскрытой в «Книге отражений».

У символистов фантастический, нереальный элемент играл огромную роль в структуре и содержании стихотворения, однако он доходил иногда до таких размеров, что смысл становился абсолютно неясен.

Один из элементов, составляющих стихотворение, вдруг становится самоцелью и подавляет поэтическое целое. И.Анненский считал, что

фантастика необходима в искусстве, но по мере достижения цели художником. «Фантастическое и реальное часто заходят одно в другое, особенно в искусстве, потому что оно не просто изображает жизнь, а раскрывает, объективируя то, что совершается в душе человека» (Анненский : 1979, 208). Конечно, творчество раскрывает по преимуществу душевный мир человека, а во внешнем мире фантастического нет. Фантастическое делится И.Анненским на «наивное» и «условное». В первом случае «фантастический мир не находится в распоряжении певца, а владеет его воображением». (Анненский : 1979, 278). Действительно, фантастика начала захлестывать, символические творения, когда само литературное течение близилось к закату. Во втором случае – фантастическое служит «многообразию художественных целей, то есть выбор и форма фантастического зависит от поэта.». Художественная цель по И.Анненскому, заменяет стихию фантазмагии, или мифа.

И.Анненский против внедрения в поэзию образов действительности, по его мнению, они сужают панораму истины: «Искусство сближается с жизнью вовсе не в действительности, а в правде, т.е. различии добра и зла. Торжеству же правды фантастическое служит столько же, а может быть, еще лучше, чем реальное» (Анненский : 1979, 209). Именно поэтому в стихах И. Анненского действительная жизнь никогда не проводилась через образы свои собственные, а только, преломляясь в призме ирреальности духовного мира автора. Правда входит в произведения поэта в окружении фантастики, но не смешивается с ней.

Анненский-критик ставит проблему ясности и понимания стихотворного произведения. Для того времени это был больной вопрос символизма. Непонятность, темнота смысла сужала круг влияния их поэзии. Нельзя также назвать абсолютно понятными и стихи самого И.Анненского, хотя мы знаем, что он был сторонником прозрачности значения. И это не случайно, поэт не стремился к определенности и доступности, до сих пор многие его стихотворения не разгаданы и широки по значению. Это принцип стихотворной системы И.Анненского, от которого он не отступил ни в «Тихих песнях», ни в «Кипарисовом ларце». Об этом он писал так: «Мне вовсе не надо обязательности одного и общего понимания. Напротив, я считаю достоинством лирической пьесы, если её можно понять двумя или более способами, или,

недопоняв, лишь почувствовать её и потом доделывать мысленно самому». (Анненский : 1979, 382). В этом своем постулате И.Анненский строго следовал заветам символистской школы.

Он его воплотил в структуре сборника «Кипарисовый ларец», где, благодаря необычной форме циклов, автор берет в соавторы самого читателя.

И.Анненский, безусловно, положительно оценил достижения французского и русского символизма в области поэтического языка: «Растет словарь. слова получают новые оттенки, и в этом отношении погоня за новым и необычным часто приносит добрые плоды. Создаются новые слова и уже не сложением, а взаимопроникновением старых. Поэт вслед за живописцем входит в чисто эстетическое общение с природой» (Анненский : 1979, 381).

И.Анненский объективно увидел всю ценность символистской школы, но вместе с тем полностью отверг её болезненное незнание мира в заострении некоторых специфических эстетических приемов. В общем же, поэт-критик видит за символизмом большие перспективы: «Сегодня «Я» в поэзии то, которое жадно ищет впитать в себя мир и стать им, делая его собою...Новая поэзия ищет точных символов для ощущений, т.е. реального субстрата жизни для настроений, т.е. той формы душевной жизни, которая более всего роднит людей между собой, входя в психологию толпы с таким же правом, как индивидуальную психологию» (Анненский : 1979, 381). Поэт считает, что символизм не ограничивается проникновением в достаточно узкие рамки индивидуального мира, что он обладает мощной абстрагирующей системой эстетических средств, которые способны выразить нечто более общее. Возможность этого И.Анненский доказал своей поэтической практикой.

Поэт критик увидел и вторую сторону символизма, которая делала это течение мертвым и бесперспективным. «Поэтическим декадентством /византизмом/ можно назвать введение в общий литературный обиход разнообразных изощрений в технике стихотворства, которые не имеют ближайшего отношения к целям поэзии» (Анненский : 1979, 370).

Многих своих современников-поэтов И.Анненский называет не лириками, а «артистами поэтического слова», «благородной графоманией». И так, не истинной лирикой, а искусственным, нежизненным, необязательным,

гипертрофированным предстает перед нами вторая «византийская сторона» символизма. Византизм /в данном контексте/ – это одно из обозначений декадентства, в котором подчеркивается сравнение декаданса начала 20 века с культурой Византии эпохи упадка /14-15 вв./ с её особенным вниманием к вопросам художественной формы, с увлечением пряными фривольными сюжетами.

В главном для И.Анненского символистская поэзия и поэт-символист – категории вечные, вневременные, не связанные неразрывно с литературной обстановкой в России и на Западе на рубеже двух веков.

«Книги отражений», на первый взгляд, – собрание литературно-критических статей на разные темы, представляют собой единое целое, связанно проводимой поэтом своей эстетической концепцией, готовой формулой символистской школы, очищенной от несообразностей и внедренной в русский литературный процесс.

Эстетическая теория И.Анненского органично воплощена в его творчестве, и при этом она не явилась стягивающими рамками для поэтических созданий.

Нам интересны два сборника И.Анненского: «Тихие песни» и «Кипарисовый ларец». Последний явился апогеем творчества поэта, и поэтому нужно более подробно остановиться именно на нем.

Уже в «Тихих песнях» поэт выступил как зрелый, сложившийся художник. Очевидно, именно в это время И.Анненский формировался как лирик и интенсивно работал над созданием своей поэтической системы. В «Тихие песни» вошел несколько более ранний пласт написанного поэтом, так как датированные стихотворения «Кипарисового ларца» - более поздние. Сборник «Тихие песни» вышел под именем Ник. Т-О, т.е. «НИКТО». И.Анненский страстно стремился сохранить анонимность и выбрал тенденциозный декадентский псевдоним, что несколько отвлекло рецензентов и читателей от новизны книги.

Библиографический список

1. Брюсов В.Я. И.Анненский. Кипарисовый ларец. [Текст] / В.Я. Брюсов // Среди стихов : сб. ст. – М.: Современник, 1990. – 702 с.
2. Анненский И.Ф. О современном лиризме. [Текст] / И.Ф. Анненский // Книги отражений. – М.: Худ. лит-ра, 1998. – 567 с.

3. Анненский И.Ф. Речь о Ф.М. Достоевском. [Текст] / И.Ф. Анненский // Лирика. – Л.: Худ. лит-ра, 1979. – 567 с.
4. Анненский И.Ф. Лирика. [Текст] / И.Ф. Анненский. – [Текст]. Л.: Худ. лит-ра, 1979. – 364 с.

Bibliography

1. Annensky, I.F. About Modern Lyricism [Text] / I.F. Annensky // Reflection Books . – М.: Khud. Lit-ra, 1998. – 567 p.
2. Annensky, I.F. Conversation about F.M. Dostoyevsky [Text] / I.F. Annensky // Lyric. – Л.: Khud. Lit-ra, 1979. – 567 p.
3. Annensky, I.F. Lyric [Text] / I.F. Annensky. – Л.: Khud. Lit-ra, 1979. – 364 p.
4. Brusov, V.Ya. I. Annensky. Cypress Casket [Text] / V. Ya. Brusov // Among the Poems: Collected Poems. – М.: Sovremennik, 1990. – 702 p.